

Анна Темкина: «Социология — это не наука или искусство одиночек, вокруг должен кипеть академический бульон дискуссий»

Я несколько лет шел к интервью с Анной Андриановной Темкиной, с которой знаком около трех десятилетий, и к которой в нашей беседе обращаюсь неформально — Аня. Общий рисунок ее профессиональной жизни я мог бы нарисовать и без разговора с ней, но мне хотелось знать больше. Хотя мы работали в одном секторе, я не помню, чтобы мы в то уже неблизкое время говорили с ней "за науку" или "за жизнь", но я уже тогда замечал в ней какую-то особость, нестандартную смесь глубокого интереса к познанию социального и стремления к личной свободе. Первое мне было знакомо, поскольку оно было присуще многим моим коллегам. Но второе — было для меня открытием. Я связывал это новое с принадлежностью Ани к тому поколению ленинградской студенческой молодежи, которое формировалось в период заката "застоя" и отторгало многое, что было "естественным" для моего и более старших поколений. В этой нашей беседе я нашел подтверждение своих догадок. И я благодарен Ане, не только за то, что она помогла мне приблизиться к пониманию пока мало изученного пятого поколения российских социологов, к которому она принадлежит. Но проявила очень нечастые личностные коммуникационные свойства, которые я мог бы назвать умной сдержанностью и интеллигентной интимностью.

Борис Докторов

— Аня, когда Вы начали работать в Институте социально-экономических наук АН СССР, Вы были студенткой экономического факультета ЛГУ. Что определило Ваш профессиональный выбор? Семья? Друзья? Школа? Случайное стечение обстоятельств?

— Будучи феминисткой (о том, что это такое — позже) я точно знаю, что женщина должна определять свою судьбу. Но это не мой случай. Мой профессиональный выбор — это бесконечная цепочка случайных обстоятельств, ограничений, упорства и недомолвок. Я подозревала, что в университет я не поступлю по национальному признаку, что и произошло. Хотела поступать на психологический факультет, но испугалась, наверное, там был конкурс больше, хотя точно я этого не помню. По любимой математике получила двойку. Когда апелляционная комиссия признала свою ошибку, время экзаменов уже закончилось. Сработало упорство, чтоб не сказать упрямство — поступила на вечерний факультет (а не в Политех, как было положено в нашей семье). Работа полный день в библиотеке Горного института, вечером — занятия. С 8 утра до 11 вечера. Ни к чему из этого я решительно не была готова. В общем-то избалованная девочка из семьи ИТР, английская школа, отличница, не получившая золотую медаль из-за четверки по физкультуре (скорее по национальному признаку), оказалась после школы в ином измерении. Нормальная студенческая жизнь отсутствовала, и после 3 курса я решила ее себе организовать, перевелась на дневной. Кажется, досадала 17 экзаменов и зачетов из-за различий в программах. Работала в котельной больше 2 лет, отпуск — в Коктебеле. Жила как бы в двух культурных реальностях — получила красный диплом без распределения в ЛГУ и реальный культурный капитал из тусовки архитекторов-журналистов-музыкантов-отъезжантов и пр. О своем образовании я невысокого мнения (особенно вечернем), хотя был привит навык чтения сложных текстов (в основном "Капитала") и получены минимальные знания о том, как устроено общество и его институты (в том числе на собственном опыте).

Можно рассказать свою историю иначе — влюбилась и

влюблялась, ушла от родителей в 20 лет (так в те времена приличные девочки не поступали), жила одна в огромной коммунальной квартире (роскошь советского времени), тусовалась с друзьями, конфликтовала с родственниками, строила свою жизнь так, чтобы не быть похожей на них (конфликт поколений и поиски идентичности). Университет был рамкой, организуя жизнь (все-таки отличница), содержание организовывалось через общение, чтение, кино, театры, отпуска в Крыму, романтику, дружеские, эмоциональные и интимные привязанности.

В процессе письма не могу отделаться от ощущения, что создаю иллюстрацию к жизни позднесоветского поколения, структурные особенности которого я, разумеется, поняла гораздо позднее (в т.ч. в наших исследованиях о двойной морали, сексуальной революции, балансе гендерных ролей и пр.). Во-первых, конфликт поколений, связанный с осознанным желанием не жить, как "они" (семья — работа с 8 до 5 — дети — бесконечные очереди за дефицитом, хотя бы и за подпиской на журналы, с ночевкой около почты 1 сентября — всего это в последующей жизни удалось в результате избежать) и отсутствие сколько-нибудь внятного представления, как строить "мы" и "Я" в позитивном смысле. Во-вторых, метод проб и ошибок, или формирования практического знания об устройстве жизни (например, о еврейской — весьма слабой — идентичности, о лицемерии окружающих, об умалчивании или невозможности произнести — слов таких не было — правду об интимной жизни, о двойных стандартах всего жизненного устройства и необходимости лавировать между ними и п.п.). Времена и потребности менялись вместе с повседневными практиками, а нормы приличия и безопасности сохранялись во многом без изменений. В-третьих, попытка привнести некий смысл в невнятные стороны жизни, чтобы придать им некую связность, поиск тех людей (где они?), которым удалось этого достичь. Ну и не без гендера конечно — в те времена предполагалось, что смысл в жизнь женщины может привнести мужчина, правильный, конечно. Осознание того, что социальная наука делается не только разумом (довольно причудливым в позднесоветское, отчасти и в нынешнее время), но и собственным телесно воплощенным опытом тоже пришло гораздо позднее и не без помощи феминистской теории.

Ничего этого я тогда не понимала. Но жила так, как будто отчасти понимала. Все время пыталась интерпретировать окружающее, хорошо, что я плохо помню, как именно. Потребность в интерпретации осталась на всю жизнь. Интересовали

разные люди с "творческими отклонениями" как потенциальные носители истины. Урок об относительности истины при этом тоже был неплохо усвоен. Политики особой не было, в тусовке откровенно, хотя и тихо, презирали советскую власть. В университете советскую власть не то, чтобы принимали, а упорно формировали — угораздило попасть на идеологический факультет. Дома помалкивали и учили, как и о чем правильно молчать. Много позже я узнала почему. Но это все не было стратегией, были только соответствующие выражения лиц, когда упоминался "Голос Америки", дворяне по русской линии бабушки, антисемиты, Сталин и т.п. Официально изданный том Ахматовой вызывал неодобрение, от иностранных контактов шарахались как от чумных.

— Какие направления экономической науки тогда казались вам наиболее интересными?

— Вариант 1. Из вышесказанного видно, что, в общем-то, никакого. Скорее интересовало то, что читала по психологии и психоанализу в ограниченном доступе, что-то из буддизма, что-то из йоги. "Правду" о жизни, скорее всего, черпала из более ли менее классической литературы и иностранных романов.

Вариант 2. Институциональные теории, о которых написала диплом.

Вариант 3. Кое-что из политэкономии капитализма как наименее лицемерной части политэкономии (что тогда скорее еще не вполне понимала).

— Какие дороги привели вас в ИСЭП?

— Из 50-ти окончивших факультет (1983 год) я получила баллы в первой пятёрке сверху. Однако приличного распределения для меня не было — вокруг было достаточно "своих" без всяких там стигм. Вспоминаю об этом — и всплывает из памяти чувство обиды и несправедливости, которое долго преследовало меня, но давно прошло, и вспоминать о нем не хочется. Родители помогли получить фиктивное распределение экономистом на завод к знакомым, потом получила открепление в министерстве, которому подчинялся завод. Свобода, без особых перспектив и романтизма а ля Аксенов. Через пару месяцев — должна же приличная девушка работать — через знакомых знакомых привели в ИСЭП на временную ставку лаборанта (младшего?). 2 месяца работаешь, увольняешься, и опять оформляешься через неделю (подробностей не помню, хотя они зафиксированы в трудовой книжке). Через полгода освободилась постоянная ставка примерно такого же качества. Нужно было изучать социалистическое соревнование, в первую очередь, перепечатывая бесконечные рукописи в 5-ти экземплярах. Параллельно — все тот же Крым в отпуске, и не так уж тяжело дожить до отпуска, поскольку дружеские и романтические социальные сети и связи интенсивно расширяются в трудовом коллективе, а заодно и культурный капитал прирастает, и некое представление о социальных науках — довольно скептическое — формируется. Ну, еще и библиотечный день — не поверите, ходила в библиотеку. И своя жилплощадь, и гражданский муж, которого постепенно выживают из ИСЭПа, за то, что слишком внимательно читает К. Маркса и не соблюдает правил игры правильно говорить и правильно молчать. И овощная база, и ДНД. И гастроном у станции метро Чернышевского. Наверное, от такой жизни, в конечном счете, человеку, склонному к поиску связных интерпретаций, но не слишком радикальному и не слишком уверенному в себе (мне, то есть), можно было сойти с ума. Или, напротив, коллективно-личная жизнь неплохо уравнивала жизнь коллективно-официальную, обеспечивая при известном наборе умолчаний известную гармонию. Не знаю. У меня нет ностальгии по молодости, второй раз мне бы всего этого не хотелось. Но тут начали наступать 1985-е годы. Биографический turning point, хотя и не вполне и не сразу осознанный. В целом, наверное повезло.

— Мне нравятся такого рода ответы на мои вопро-

сы... они открывают множество путей к продолжению беседы. Вы пишете: "Дома помалкивали и учили, как и о чем правильно молчать. Много позже я узнала почему". Можно спросить: "Почему?". Это связано с историей Вашей семьи? Пожалуйста, остановитесь подробнее на дворянстве бабушки, корнях ваших еврейских родственников.

— Это гораздо сложнее. Достаточно трудно отделить то, что я знаю сегодня благодаря 20-летней архивной работе моей мамы, от общения с родственниками-эмигрантами от того, что я знала / чувствовала в 80-е годы. Но попробую. Напоминала это некие смутные образы, информации о которых, как тогда казалось, нет и появиться ей неоткуда (которая благополучно лежала в советских архивах — и как только власть до них не добралась?).

Образ первый — совсем смутный. Мать матери (условно русская линия, условно, поскольку, как мне известно сейчас, это линия, кроме русских, имеет шведов-итальянцев-немцев-французов, тех, кто "бродил" по России с 18-19 веков) — дворянка, из бедных и служилых. Собственный дом-дача в Марьинском, который бабушка один раз мне показала в детстве. Она знала языки, недоучилась в консерватории из-за социального происхождения, работала машинисткой. Ее сестра с консерваторским образованием сослана, муж сестры расстрелян в 1937. Об этом просто молчали. Хотя бабушка упоминала о каких-то деталях своего детства, но делала это так, чтобы было ясно — это давняя история, и она не имеет большого значения сегодня. Такая линия плавно вписывалась в линию партии как стратегия выживания. Сейчас знаю, что среди предков было много священников, морских офицеров, чиновников, педагогов и пр., есть там фигуры достаточно высокого ранга.

Образ второй — несколько более четкий, поскольку при упоминании евреев (линия отца) обычно делалось то самое лицо, после которого было понятно, что надо умолкнуть и не задавать вопросов. Эти угрозы были более актуальными, чем дворянские. В этом году на 9 мая я написала в фейсбуке про папу: "Мой папа, Адриан Самуилович Темкин, умер три года назад, дожив до 87 лет. Три года был в обороне Ленинграда в составе пограничных войск. Лауреат гос. премии за создание синхрофазатрона в Дубне. Еврей. Атеист. В 1970 годы сняли с руководящей должности в НИИ по национальному признаку, не восстановили. Всю жизнь был и оставался рациональным скептиком и хорошим человеком. На 9 мая одевал ордена, ездил в свою часть в Сестрорецк и в основном молчал о войне".

Кроме того, его племянники в конце 1970-х уехали в Америку. Об этом нужно было молчать особенно тщательно. Папу мало интересовали еврейские ритуалы, история, язык. Но он всегда интересовался Израилем. "Голос Америки" не одобрялся, но папа его все равно слушал. Будучи физиком, мастерил что-то сам, и вражья голоса в очень плохом исполнении были слышны окружающим на даче, которые, впрочем, слушали тоже самое.

Нужно добавить, что и мать, и отец работали в ВПК руководителями отделов с высокими степенями секретности. Кроме того, что компрометирующие обстоятельства воспринимались ими как особенно опасные, они еще молчали и о своей работе. Типичнейшие советские линии умолчания, как я сейчас понимаю. Но, заметим, если бы не советская модернизация, мои родители вряд ли бы встретились в этой жизни.

Образ третий — собирательный. Истории о разных родственниках, о бывших бабушкиных мужьях (инженерах по образованию), по тому времени загадочными обстоятельствами жизни — один сидел в тюрьме в Финляндии во время войны, другой имел отношение к ГУЛАГу, у них другие жены и дети, первый был вхож в советскую номенклатуру, второй — похоже то же, и т.п. Бабушкин брат (дворянского происхождения) — профессор в Москве. Еще один загадочный папин родственник, то ли дядя, то ли двоюродный дед, уехал в Палестину. И все

эти истории прозрачностью не отличались, было в них что-то от мифологии.

Меня занимает вопрос, каким образом мы молчали о том, что знали. Но, как я понимаю теперь, знали мы очень мало. История стерлась за одно поколение, оставались лишь некие крупинки или знаки, сигнализирующие нам об опасности. И выучивать мы должны были именно эти знаки.

Еще один срез — "заграница". Про нее и советских людей все более ли менее известно: запретно и притягательно. У меня одно размытое воспоминание, в 1979 родители купили мне путевку в Румынию: им заграница не светила пожизненного (они побывали в 1990-е-2000-е годы в нескольких странах Европы, в Израиле). Нужно было получить более 10 подписей на рекомендации комсомольской и партийной организации для поездки — такова была рутинка.

— Ваш уход от родителей в 20 лет, действительно, явление не очень частое, но для хиппи и не исключительное. Верно ли я понимаю, что Вы входили (принадлежали) именно к этому типу молодежных движений, или хиппи к тому времени было чем-то пройденным.

— Начну с этого вопроса как простого. Не принадлежала ни к какому движению и вряд ли знала что-либо об их существовании. Если что-то и знала о хиппи, то, скорее всего как об "американской странности". Некоторые хипповатые дальние знакомые казались хотя и симпатичными, но странными и далекими, возможно, даже опасными.

— Ленинградские котельные — это особая культура, среда; через нее прошли (и ее формировали) поколения Довлатова и Шемякина, потом — Гребенщикова и "Митьков", позже — Цоя. Как Вы вспоминаете то время? Что означает для Вас сегодняшней тот опыт?

— Я к этому поколению имела отношение чисто формальное. Мой протест был скорее личным, чем политическим или эстетическим. Можно сказать, прагматика — поскольку я жила одна, мне надо было себя содержать. И это получилось неплохо. Повышенная стипендия (отличница), работа на кафедре (грамотная) — печатала рукописи, сидя в котельной, но совсем не диссидентские, а наоборот коммунистические. Зарплата — весьма неплохая — в котельной (все вместе порядка 250 рублей, а то и более). И дополнительное место для тусовки. Ну, наверное, и понимание того, что какие-то творческие люди делают что-то аналогичное. Работа простая, там стояла примитивная электроника. Правда летом нужно было пару месяцев чистить мазутные отстойники по колено в мазуте — в жизни всегда найдется место подвигу. Воспринимала в то время как некое правильное действие. Навыки рационализации жизни, например, совмещения двух работ и учебы, очень пригодились впоследствии. Оттачивались и навыки совмещения разных идентичностей — какое счастье, что это пригодились в меньшей степени. Сейчас считаю нормальной фазой социализации, но никому не посоветую социализироваться в котельных и отстойниках. Впрочем, таких котельных почти не осталось.

— Конец 70-х — начало 80-х, полностью определилась провинциальная судьба столичного Ленинграда, ЛГУ — один из центров консерватизма, экономический факультет — теоретический "танк" городской партукратии. И все же, университетское образование — это лучшее, что тогда можно было получить в Ленинграде в области обществоведения. Что Вам дали годы обучения?

— Решать интеллектуальные задачи, смысл которых не очевиден, и получать от решения удовольствие — "игра в бисер". Умудряться выучить то, что нужно преподавателю (как студенты медвузов в социологической классике Беккера и компании) — полезный навык. Учиться самостоятельно, практически без всякого руководства и каких-либо заинтересованных в тебе людей. Чувствовать себя чужаком, и хотя это чувство никуда не исчезло, в конечном счете, обрести круг общения, который спустя некоторое время обрел большой смысл. Найти друзей,

некоторых — через весьма продолжительное время. Понять к концу обучения, что есть люди, хотя их немного, которые все-таки воспринимают политэкономии, вчитывают и вписывают в нее реальные для них смыслы — некие "творческие деприванты".

— 1983 год, когда Вы пришли в ИСЭП, — время подавления и разгона "ленинградской социологической школы", но Вы тогда могли всего этого не знать. Вы, насколько я помню, попали в сектор Н.А.Лобанова — слабого экономиста-юриста и человека, весьма зависимо от директора — И.И. Сигова. Вместе с тем, и в секторе, и за его пределами в Институте были сильные молодые исследователи, и было неплохое кафе, где можно было часами тусоваться (тогда это слово входило в повседневность). Чем Вам запомнилось то предперестроечное время?

— В этом секторе я работала несколько месяцев, не помню особых впечатлений, кроме первых знакомств с далеко идущими последствиями. Оттуда попала в сектор социалистического соревнования на постоянную ставку, как мы тогда говорили, "младшего помощника старшего дворника". А с сильными молодыми исследователями, по крайней мере, с некоторыми из них, складывалось общение, из которого выросли сотрудничество, соавторство, любовь, дружба, надолго или очень надолго. Застала следы разгона социологической школы, и его осколки, летящие в молодых. Я вряд ли знала тогда, что такое социология и каково ее состояние в СССР. Точно не знала о том, что социология не может иметь значительного места в обществе, где отсутствует рефлексия по поводу себя самого и хотя бы некоторая транспарентность, не говоря уж о гражданском обществе с точки зрения М.Буравого. Потом стало понятно, что если есть несовместимость "общества" и его исследователей, гонители на них всегда найдутся (прошло ли то время?).

Осваивала правила игры, воспринимала их как данность, что не означало как справедливость — на несправедливость уже было некоторое чутье. Постепенно определялись "свои" и "чужие", но не уверена, что критерии были научные/идеологические. Скорее срабатывали личные симпатии и антипатии, чутье на культурные капиталы (рада, что во многом не ошиблась, как поняла позднее). Училась понимать, наблюдала, слушала. Искала объяснения. Общалась. Но что-то мне не давалось, не ложилось, как я теперь понимаю, на мой практический опыт. Да, в общем и не легло до конца 1980-х, может быть и гораздо дольше.

— И тогда-то, в середине 80-х, странным для Академии Наук было подразделение, занимавшееся социалистическим соревнованием, а теперь (тем более — в будущем) это представляется совсем непонятным. Давно это было, и все же... мне кажется, тогда существовало множество подходов к интерпретации соцсоревнования: один — что это "пережиток", сохранившийся с 1920-х годов, другая — советская форма менеджизма, третья — предполагаемая марксизмом форма отстаивания рабочими своих интересов и т.д. Чем в действительности было тогда соцсоревнование?

— Я не помню разных подходов, возможно, я в них не особо углублялась, все более сидя за пишущей машинкой. Эта идеологическая риторика и практика, которая еще ждет своего исследователя. Рабочим было наплевать на соревнование, но они должны были, во-первых, соблюдать правила приличия и реагировать на риторике правильно (т.е. не сразу посылать исследователей, и что еще более важно — тех, кто подводил итоги соревнования). Во-вторых, это был и некоторый менеджмент производства и идеологии одновременно, поскольку премии для победителей были реальными и даже чувствительными. Т.е. нужно было все-таки не только воспроизводить нужную риторку, но и считать некие баллы, которые зависели от неких результатов, на бумаге, по крайней мере. Так

материально подкреплялась лояльностью одной из массовых идеологических форм, а число им было миллион... Но это я сейчас так думаю. В 86 или 87 году я попыталась что-то осмысленное написать про соревнование, и я очень сомневаюсь в том, что это удалось. Смысл был в том, что соревнование социально-психологически усиливает существующие и без него процессы — всем или многим хочется быть успешным, быть немного лучше (круче, сказали бы сейчас), чем другие, да еще и чтобы это признали. Так и мы — коллеги — соревнуемся друг с другом до сих пор, например, по числу публикаций в реферативных журналах, или кого больше цитируют, только соревнованием это назвать неприлично. Кажется, это была единственная статья на эту тему, потом я уже писала про забастовки и рабочее движение.

— **Такое ощущение, что вскоре Ваша группа под руководством Владимира Костюшева достаточно естественно перешла от изучения соцсоревнования к анализу новых общественных движений. Именно так это было? Чем Вы заинтересовались тогда?**

— Так и было, и это был важный переход. Я же — от трудовых коллективов — к рабочему движению, писала о забастовках, которые начались с 1987 года в СССР, а потом, с 1989 года на некоторое время примкнула к группе Леонида Абрамовича Гордона (он работал в Институте международного рабочего движения АН СССР), сейчас бы сказали — к проекту по массовым забастовкам. Ездил с ними в Донбасс проводить опросы. Спускалась в шахту, из любопытства более, чем по производственной необходимости, как всегда, ради преодоления себя и обстоятельств. Женщин, вообще-то в шахты не пускают, но уже тогда стало понятно, что социолог — не женщина, на определенных позициях гендер утрачивает принудительную силу (по крайней мере, прямолинейно), хотя слова такого я тогда не знала. Коллега, с которым спускалась вместе, нынче работает полицейским в Израиле — неисповедимы социальные пути. В это время в целом появляется исследовательский азарт и горящие глаза, что резко контрастировало с предшествующей достаточно тусклой научной жизнью.

— **По-моему, Вам редкостно повезло: вы работали с очень интересным человеком и исследователем, а также — разрабатывали абсолютно новую тему. Если бы Вам пришлось участвовать в дружеской беседе о Гордоне, чтобы бы Вы о нем рассказали?**

— В 1997 году Леонид Абрамович был оппонентом на моей защите диссертации в Хельсинки, в которой одна часть была посвящена рабочему движению. Накануне защиты я, разумеется, умираю от страха (английский язык, другой ритуал и пр.). Мы пошли с ним в Стокманн покупать ему несколько галстуков — что привело меня в чувство — ибо у меня тут защита, а у него тут галстуки, и очень важно сделать правильный выбор. Его нечеловеческое человеческое обаяние и харизма структурировали все общение. Он требовал, чтобы ему все подчинялись, разделяли его идеи, и одновременно сам смеялся и иронизировал над собой — редкое сочетание. Не знаю, легко ли находится рядом с такой харизмой постоянно — моя работа была краткосрочной. Его смерть была для меня личной потерей.

— **Похоже, тема забастовок в России — по-своему уникальна: до второй половины 1980-х ее в СССР не разрабатывали, в последние годы — также. Как Вы попали в тот Проект? Вообще, как Ваша команда постигала ту проблематику? Ведь с "нуля", и даже ниже...**

— В проект попала, познакомившись с Л.Гордоном на какой-то демократической тусовке, он легко втягивал в орбиту людей, позвал участвовать, формальной стороны дела не помню. Постигали проблематику посредством общих либеральных идей, интереса к протесту и его носителям, с надеждой на формирование новых агентов коллективного/политического действия. Мне помогало то, что я уже читала всякую литерату-

ру по общественным движениям (политические циклы, мобилизация ресурсов и пр.), правда, как выяснилось, для западного контекста рабочее движение находилось в основном в прошлом, за исключением Франции и А.Турена. В академии им занимается довольно узкий сегмент лево-ориентированных исследователей. Сейчас у интеллектуальной молодежи опять появился интерес к рабочему движению, и это не удивительно на новой фазе протеста. Исследователей интересует уже иное теоретизирование, они вдохновлены философией Маркса, Фуко, Агамбена, Хардта и Негри, постструктурализмом, анализом биополитики, критикой неолиберализма и "нового духа капитализма" — знаю от нынешних студентов — но это уже не моя епархия, мы тогда были от этого в начале 1990-х далеки. У рабочего движения было (и есть, вероятно) революционное обаяние, которое, вместе с обаянием и энциклопедической культурой Л.Гордона, являлось важным двигателем исследовательского интереса с акционистскими интенциями участия.

— **Аня, в студенческие годы Вы изучали "Капитал" и работы других марксистов, в котельной участвовали в прокоммунистических тусовках, Ваш друг "слишком внимательно читал К. Маркса". Сейчас Вы сказали о молодых обществоведах, вдохновленных философией Маркса. Вы знаете, в Америке марксизм — не самая активно разрабатываемая теория, но в том или ином объеме она непременно изучается во всех университетах. У Вас был период увлечения марксизмом? Какое место сейчас он занимает в Ваших теоретических построениях?**

— Периода увлечения, как такового, не было. В университете мы несколько лет только то и делали, что читали Маркса — основа политэкономии. Это осталось системой референций на всю жизнь, с самыми разными оттенками, хотя очень значимого места он в моей жизни не играет. Говоря про "коммунистические" тексты — я имела в виду работы преподавателей университета, которое большого интереса не представляли. Это был способ заработка. Олег Вите, мой бывший муж, действительно читал Маркса всерьез, да и Ленина, но меня это содержательно не очень занимало, скорее, вдохновлял его общий творческий подход к делу, за который он и поплатился рабочим местом в ИСЭПе как за нелояльность.

Работу Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" я читаю каждый год, в классе по гендерной теории (эта работа была важна и в советское время для социологии семьи). Иногда, что-то дополнительно читаю к теме марксистский феминизм. Для феминизма важен структурный марксизм, Грамши, Альтюссер, аппараты, через которые создаются и воспроизводятся идеологии на уровне повседневности. Важны понятия "гегемонии", роль капитализма, политэкономия домохозяйства, производство вещей и воспроизводство человека, да и много что еще. Важна эпистемология, связывающая знание с позицией угнетенного, категории эксплуатации и власти (в более современном понимании). Важны структурные (патриархат — структура, сходная с капитализмом) и конфликтные подходы. Власть — центральное понятие для феминизма, в первую очередь в интерпретации Фуко, а он сам пережил сильное влияние марксизма (которое многие переживали в западной академии на определенном этапе жизни, и марксизм остается в университетах популярным скорее латентно или среди молодежи). Пора остановится, а то будет лекция. Да еще и идеи Коллонтай, в конечном счете, забытые и похороненные в СССР. В общем, марксизм (не только он) плавно вписался в феминистскую теорию. На занятиях выясняю, что знают современные студенты про общественную формацию, базис и надстройку, производство и воспроизводство, производительные силы и производственные отношения. Был период — совсем ничего не знали, сейчас некоторые знают очень хорошо, а про современное развитие теории марксизма — лучше меня. Написав все это, поняла, что недооценивала роль марк-

сизма в своей научной жизни до вашего вопроса.

— **Интересно, и даже очень... я начал опрос в конце 2004 года, и с тех пор почти каждого собеседника спрашивал о марксизме... я был удивлен резко критическим отношением к нему, и был удивлен, как быстро и безболезненно (?) российская социология отошла от того, на чем базировалась десятилетиями... возможно, маятник пошел в другую сторону? Дело не в самом марксизме, а в том, что его замшело, идеологизированно подавали... была "усталость" от моноподхода...**

— Согласно, у марксизма гораздо более сложная судьба, чем она представлялась в советское время, отчасти и сейчас, но с другим знаком.

— **Мне казалось, что концепции Олега Вите были востребованы сторонниками "социализма с человеческим лицом", тех, кто подобно Михаилу Шатрову, Егору Яковлеву, "перечитывали Ленина". Потом социальный заказ на его построения ослаб, но возврат возможен... не так ли?**

— На этот вопрос лучше бы ответил сам Олег, но в целом согласна. Он теперь интересуется другой областью — психоанализом, а что касается возможности "человеческого лица" — не знаю. Я не сильная в прогнозах.

— **Гендерная тематика заинтересовала вас в Штатах, когда вы стажировались в Колумбийском университете, или раньше? Чем в принципе Вас привлекла эта тема?**

— Да, как и многих других российских гендерных исследователей. Выглядело это примерно так — меня (1992 год) постоянно спрашивали американские профессора, и мужчины, и женщины, что происходит с женщинами в СССР/России, ставя в тупик. Считалось, что с ними не происходит ничего особенного (да и до сих пор так считается, хотя в последние два года все более отчетливо раздаются политические призывы возвращаться, если и не на кухню, то к ценностям традиционной семьи — основы нации). Потом помню стеллажи с сотнями книг в академических магазинах под рубрикой Gender/Feminist studies, и я даже не могу предположить — о чем они. Работало когнитивное любопытство и смутное предположение о том, что эта сфера знания касается меня лично. Вернулась из Штатов — развод. Вокруг тем временем многие начинали интересоваться загадочным гендером. И тематика общественных движений плавно вписывается. Все сошлось один к одному.

— **Как проходило обучение в Колумбийском университете?**

— У меня не было никаких формальных обязательств во время семимесячной стажировки. До меня доходило с трудом, что мной никто заниматься не будет, если я сама не буду организовывать свою академическую жизнь. А когда поняла — глаза разбежались. Да и времени было немного, его значительная часть ушла на элементарную адаптацию — практически из Советского Союза да в сам Нью-Йорк. Это было нелегко. Но в результате я прослушала несколько курсов, в колумбийском университете Дж.Сартори по политической теории и демократии (пересказывал собственную книгу), хорошо построенный курс по политической социологии М.Эмирбайера в Новой школе социальных исследований (очень пригодился в дальнейшем), слушала разовые лекции, ксерила и читала бесконечно, все подряд, по темам общественных движений и всего вокруг.

— **Даже среди наших коллег по ИСЭП были те, кто уехал учиться в США и остался там. У вас не было такого плана? Ведь в России тогда были очень сложно заниматься наукой?**

— План был, но не очень отчетливый. Я даже сделала одну осторожную попытку в самом начале, неудачную. Предпринимать более серьезные не решилась, отчасти от неуверенности в этом предприятии и в себе, отчасти от того, что уже тогда "вросла" в российский контекст, несмотря на привлекатель-

ность западного — несколько раз, когда появлялась возможность "остаться на западе", я эту возможность игнорировала, выстраивая сложные концептуальные построения по этому поводу. Отъезд на запад для меня не был бы исключительно путем для занятия наукой — это путь для иной жизни — и вы это знаете лучше меня. До сих пор не знаю, как сформулировать — наверное, опять причина в двойной идентичности, или идентичности чужака, или номады, не готовность отказываться ни от одной из ее сторон (ни от "российской", ни от "западной"). Но, тем не менее, отчасти я училась на западе — кроме Америки и краткосрочных стажировок, около двух лет провела в Хельсинки по программе обмена в середине 1990-х. Это была школа в самых разных смыслах. Осваивала, что такое западная наука, что такое жизнь в Финляндии, что такое "протестантская этика" в действии. Это были очень важные годы, кажется, мой хабитус навсегда впитал нечто финское/скандинавское. И для исследования гендера лучшей среды трудно было бы придумать. Работу в проектах финская академия зачла мне за аспирантуру, когда мне предложили защитить диссертацию в университете Хельсинки.

— **Вы получили вашу ученую степень доктора (Ph.D) в Хельсинки. Почему вы решили защищаться там? Как в целом российское научное сообщество относится к этой степени?**

— История от конца к началу. Мою степень признали с сентября 2012 года (через 15 лет после защиты) — я не предпринимала никаких усилий, выжидая, когда это произойдет само собой, если конечно произойдет. И это сделало Министерство, утвердив список 100 университетов, степени которых признаются в России. Защищалась я в Хельсинки можно сказать по причинам, от меня не зависящим. У меня уже было достаточно публикаций на английском языке — о рабочем и женском движении, о трансформациях в России, и мои коллеги (Элина Хаавио-Маннила, Г.П.Руус, Ристо Алапуру, Юкка Гронов, с ними мы много сотрудничали и сотрудничаем) предложили мне оформить их как диссертацию. Моя финская коллега, соавтор и подруга Анна Роткирх меня поддержала. Это было не только замечательно, но и потребовало всего лишь дописать введение, страниц 70 на английском языке, издать все это как книгу и защитить. А замечательно это было, поскольку к тому времени я отказалась от идеи диссертации, надолго или навсегда, и если бы не финские коллеги, то степени у меня бы не было. И, кроме того, я уже начинала работать в ЕУСПб, и его ректор — Б.М.Фирсов — сказал мне, что уволит, если я не защищусь. Шутка, конечно, но серьезные шутки иногда имеют серьезные последствия, а Б.М. играл и играет в моей жизни особую роль. Конец (или начало) предыстории заключается в том, что я окончила заочную аспирантуру в ИЭ АН СССР, прошла предзащиту в 1991 или 1992 году, уже не помню точно за мало значимости данного события. И уехала в Америку на стажировку, не слишком удовлетворенная качеством диссертации, посвященной трудовым коллективам в духе советской традиции и частично новому рабочему движению. Вернулась из Америки глубоко в ней (диссертации) разочарованной. Тогда я думала, что это моя личная проблема. Потом поняла, перефразируя известный лозунг, что "личное — это политическое", и дело было не в моей неспособности написать устраивающую меня диссертацию, а в тяжелом состоянии социальных наук в целом.

— **Мой следующий вопрос вы, Аня, и породили в самом начале нашей беседы, написав: "Будучи феминисткой (о том, что это такое — позже) я точно знаю, что женщина должна определять свою судьбу". Вот это позже, на мой взгляд, и пришло. Что значит в современных российских понятиях "феминистка"? Кто определяет себя "феминисткой"? Почему феминистка определяет свою судьбу?**

— В современных российских понятиях это не означает ничего хорошего. Даже пересказывать не буду, что именно —

интерпретации поразительно насыщены аффектами. Это — кроме узкого "когнитивного сообщества", мне близкого по духу, которое хорошо информировано в теории, методологии и разнообразных подходах. Приверженность данному знанию в широком смысле и есть для меня феминизм. У него есть антидискриминационный пафос, который в России обрел специфический политический смысл. И это не случайно, ибо феминизм, как мало что другое, делит сообщества по ценностям. Признание второсортности женщин, других гендерных групп, да и других иных — черта традиционалистских обществ. И это особенно актуально и явно на фоне роста антизападных настроений в России в настоящее время. "Феминизм (права, равенство, свободный выбор, ответственность, партнерство, трансгрессия и пр.) = чуждый запад" — это лозунг традиционалистов и традиционалистского сознания. В когнитивном смысле для меня — это междисциплинарная, транснациональная, очень богатая область социальной критики и дебатов, все более распространяющая свое влияние не только на гуманитарные и социальные науки, но и на анализ репрезентаций, кино, искусства, перформансы и пр. Эта область, которая породила или повлияла на те темы, которые без феминизма оставались невидимыми, а сейчас исследуются глубоко и широко, кое-что и в России. Не только гендерные исследования, но и социология эмоций, сексуальности, телесности, исследования репродукции, маскулинности, интимности, домохозяйства, семьи, здоровья, молодежи, инвалидности, детства — все это трудно представимо без влияния феминизма. Постструктуралистская философия и постколониальные исследования находятся в постоянном диалоге с феминизмом. Мне жаль, что российская социальная мысль обедняет себя тем, что во многом не хочет замечать этих процессов. Мы, однако, стараемся менять ситуацию. Ну, а в практическом смысле для меня — это жизнь, весьма непростая, в которой делаешь выбор и за которую отвечаешь сам(а), а не государство, не родители, не муж, не начальник и пр., и мне жаль, что я осознала это лишь после 30 лет. Это и есть определение своей судьбы — однако, разумеется, она в любом случае существенно ограничена доступными материальными, информационными, организационными ресурсами, ситуационными факторами, контекстом и пр.

— В каких формах феминизм проявляется в России? Феминизм в России это урбанистическое движение или имеются и "сельские модели"? Властям "есть дело" до феминистского движения или не очень?

— Властям есть дело на фоне консервативного поворота. Феминизм — это яркая, но далеко не главная угроза для властей, да и власти неоднородны, и внутри них есть те, кто разделяет феминистские идеи, хотя гораздо более заметны их громкие оппоненты. Это угроза скорее идеологического, чем практического характера. Впрочем, сидящие ныне в тюрьме феминистки демонстрируют, что практические санкции и последствия ой как возможны, ибо сила на стороне антифеминизма. Большинство (но не все и не во всем) российских женщин имеют базовые равные права и пользуются ими, и вряд ли они их потеряют, хотя действует, как и во многих других областях социальной жизни, правило "непризнания" (misrecognition) феминистских по сути практик.

Про сельские модели мне ничего не известно, к сожалению, и в целом это движение было движением городского среднего класса, и на западе, и в России. Однако в него активно включались этнические, расовые, сексуальные и пр. меньшинства. Сейчас в исследованиях популярен интерсекционный подход, который стремится учитывать разные неравенства, специфичные для групп, сообществ, институтов и пр.

— Иногда я читаю про постфеминизм, возникновение которого на Западе относят к 1980-ым. Применимо ли это понятие к российской реальности?

— Довольно трудно ответить однозначно, слишком разные феномены объединяют под зонтиком "постфеминизм" — это и

постструктуралистское влияние в теории, это и спад общественного движения второй волны, и принятие феминистских ценностей без четко выраженной феминистской идентичности, и отказ от феминизма. Ясно только то, что это "после" широкого и массового движения и интереса к феминизму 1960-х-1970-х годов на западе. Мы отчасти оказались в фазе постфеминизма, пропустив фазу феминизма. Теоретическая деконструкция пришла в российскую общественную мысль одновременно с теми основаниями, которые она разрушает. Разрушение бинарности гендерных категорий происходит одновременно с формированием представления о самих гендерных категориях. В 2010-е годы консервативный поворот к традиционалистским взглядам опередил (а возможно и ускорил) реальные изменения гендерных ролей и идеологий в духе постиндустриализма.

Это могло бы быть плюсом для теории — не нужно ломать копыта по поводу наличия или отсутствия единого женского опыта, сходства или различия полов (критический аргумент давно сформулирован). Ясны проблемы социального конструктивизма и его ограничения — можно на все это не тратить время и сразу включаться в дискуссию 2000-х-2010-х годов (для социологов — это транснационализм, интерсекциональность, многоуровневый анализ институтов и гендерных практик, учет постструктуралистской критики, проблематизация телесности и власти и пр.). Но для этого желательно владеть не только знанием контекста, но и историей формирования категорий и методологических подходов, быть в курсе современных направлений теоретической дискуссии. А поскольку этого в социологии почти не происходит, то постфеминизм сливается в сознании многих исследователей с антифеминизмом. Задача социологии — за "естественными" феноменами видеть их социальную и культурную суть — оказывается крайне трудно реализуемой в отношении гендера.

— Я побаиваюсь проводить линии, разделяющие разные науки, но на уровне подготовки кадров это все же приходится делать, ибо надо формировать программу обучения и прочее. Как вы трактуете свои курсы для студентов: как социологические или политологические?

— Я считаю, что работаю в области социологии, и мои курсы числятся в основном по департаменту "социологии". Хотя я часто включаю в курсы размышления о подвижности границ дисциплин и влиянии друг на друга.

— Куда разлетаются выпускники ЕУ? В частности те, кто специализируется по исследованию феминизма и близких тем?

— Мы делали небольшое исследование на эту тему несколько лет назад. Большинство работают в науке или смежных областях, некоторые работают или продолжают учебу за рубежом или переехали туда жить, выйдя замуж, некоторые стали фрилансерами/домохозяйками. В области гендерных исследований специализируются только пара человек (одна уже успешно защитила докторскую диссертацию), но большинство из тех, кто работают в науке, так или иначе включает гендерные аспекты в свои курсы/ исследования /публикации.

— Теперь, если можно, раскройте утверждение — "будучи феминисткой", что же это значит?

— В академическом смысле это означает разделять набор теорий и подходов, в практическом — писала выше. Но не бывает целостной и непротиворечивой идентичности — любой ярлык всегда условен, относителен и ситуационен. Так же как я не чувствую еврейской идентичности, пока не сталкиваюсь с антисемитизмом, я могу на практическом уровне не чувствовать феминистской идентичности, пока не сталкиваюсь с сексизмом.

— Мы как-то проскочили ряд событий в Вашей жизни, мне кажется, важных для понимания и направления Ваших исследований, и пути, которым Вы пришли

в Европейский университет. После ИСЭП мы с Вами оказались в Санкт-Петербургском отделении Института социологии, позже ставшего Социологическим институтом РАН. Там, по-моему, Вы начали работать по каким-то "экзотическим" неформальным образованиям с Виктором Воронковым и Еленой Здравомысловой. Так или не так?

— Нет, экзотическими образованиями я не занималась, мой фокус сместился от рабочего к женскому движению и другим вопросам гендерных исследований. Были тогда и другие небольшие проекты, как мы бы сейчас сказали. Одна из наших первых соавторских статей с Леной Здравомысловой (в настоящее время их несколько десятков) была посвящена анализу новых демонстраций в сравнительном аспекте. От Лены я многому научилась и учусь до сих пор.

Что же касается Европейского университета, в котором я начала работать с 1997 года, то я даже не знаю, как передать ощущение его значимости и для меня лично, и для сообщества. Люди с новыми ценностями, соратники по большому счету, горизонты и просторы — эта так, но не совсем про то. По-моему, это похоже на удачное партнерство, когда это именно то, что надо, и в этом не возникает сомнений, как не возникает и сомнений в том, что это единственно правильная и возможная стратегия, даже не место работы, а образ жизни и мысли. И даже не выбор, потому что выбор делается из существующих возможностей, а тут возможности создавались своими руками в том числе. Хотя часто в повседневности за деревьями не видно леса, и ощущение удачи загибается за рутинной, огромными нагрузками и обязательствами, которые, однако, взяты на себя добровольно. Например, не хочешь, чтобы тобой руководило государство или дядя (или тетя), значит, сиди в управленческих комиссиях, трать время на бюрократические согласования и процедуры, ругайся с коллегами и начальниками, трать много часов на заседаниях для достижения консенсуса, и пр. Или не хочешь, чтобы кто-то диктовал тебе, чему и как учить студентов, — укрепляй свою позицию публикациями в престижных журналах, включая иностранные, пиши книги, привлекай слушателей, выступай на различных конференциях, выстраивай профессиональные сети, публикуйся в СМИ на актуальных темах, ищи проекты и их успешно реализовывай, повышай индекс цитирования и пр. Звучит очень скучно — ибо все это лишено смысла, если нет внутренней потребности в том, чтобы каждый раз выстраивать объяснительные модели разных явлений, заниматься бесконечным пониманием, не отводя от мира социологического взгляда. Подходить если не ко всем, то ко многим ситуациям и институтам с социологическим любопытством: а что тут происходит? И делать это не столько ради высоких целей, сообщества, признания и зарплаты (хотя чего уж там лицемерить — не без этого), а рутинно, для себя лично — поскольку без понимания невозможно обойтись, а его никогда не бывает достаточно и оно никогда не бывает исчерпывающим. В общем, я как всегда, решала и решаю вопросы идентичности, которую, как говорят многие теории, мы сами же и конструируем в институтах и социальных взаимодействиях — именно поэтому среда не просто важна, а она, хочешь — не хочешь, интериоризируется и становится частью тебя. Но это нелегко, ибо требует бесконечных временных, физических и эмоциональных затрат, ну уж не говоря об интеллектуальных, которые, впрочем и не затраты вовсе. Постоянно открываются новые программы, разрабатываются новые курсы, осваиваются новые темы, осуществляются новые проекты, формируются новый спрос и потребности — читать лекции, писать куда-то, выступать где-то, рецензировать и комментировать что-то, и пр. И все это важно, но так и до выгорания недалеко.

— На сайте Европейского университета сказано, что Вы получили профессию по социологии общественного здоровья и гендера от корпорации "Новартис", а с 2012 года Ваша профессия приобрела статус бессроч-

ной. Что это за профессия, в чем заключаются Ваши обязанности?

— Обязанности я как раз и перечислила выше, а по содержанию это социология здоровья и гендер, гендер — поскольку я им занимаюсь более 15 лет, а здоровье — поскольку это логично для фармацевтической компании, хотя она особенно ни во что не вмешивается, предоставляя свободу выбора тем и направлений деятельности после согласования первоначального плана. Получив эту профессию, я во многом продолжила заниматься гендерными исследованиями, но в них был усилен аспект исследования медицины и здоровья, в частности репродуктивного. В область наших интересов попали социальная организация беременности, родов, акушерско-гинекологического обслуживания, доверие во взаимодействиях пациента и акушера-гинеколога, институционализация медицинских профессий и пр. Я третий год читаю курс по социологии медицины и здоровья, заканчиваем большой раздел в учебник "гендер и здоровье" и пр.

— Можно ли сказать, что Вы, Ваши коллеги по ЕУ уже стали частью европейского, мирового сообщества социологов? Если в какой-либо мере это так, что это за такое ощущение?

— Безусловно, к этому есть очень серьезное и вполне осознанное стремление, которое и декларируется, и поощряется (например, публикации в ведущих международных журналах, серьезные международные проекты и пр.), и во многом реализуется. И в этом смысле стали, как интенция, как ценность, как запуск многих механизмов, направленных на поддержание высоких стандартов. Но я бы поостереглась от того, чтобы признать этот процесс свершившимся. Моя личная программа минимум — публикация любого (или почти любого) результата магистерского исследования под моим руководством — в приличном журнале, пусть даже не самом рейтинговом. Иначе, зачем эти магистерские вообще пишутся, и руководители вкладывают в них значительные силы, чтобы потом никогда не попасть в научный оборот? Зачем я тогда руковожу тремя магистрами на каждом курсе (по 6 человек в год)? Ну, я уж не говорю об аспирантах, собственных работах, работах коллег, результатах проектов и пр. А программа максимум (она далека от программы минимум) — не просто включиться в международное научное сообщество, но найти — создать — осознать — те особенности российского контекста, которые позволяют сделать прорыв в мировой науке, воздействовать на формирование новых парадигм, с более высоким эвристическим потенциалом, чем все ныне существующие в социальных науках. Вырастить новых авторов дискурсивности уровня Фуко или Батлер и пр., которых знает, критикует, цитирует весь социально-научный мир и пр., которые способны воздействовать на академические умы и общественность, объяснять кризисы и динамику обществ, консервативные повороты, или хотя бы российскую коррупцию или гендерный традиционализм. За пределами социологии такие мощные фигуры есть, в искусстве, например, или в филологии, но для социологов — это не самая реалистичная задача. Социология — это не наука или искусство одинокое, вокруг должен бурлить и кипеть академический бульон дискуссий, чтобы осуществлялись интеллектуальные прорывы. Такое кипение существует в нашем университете, есть и в других местах, но их бесконечно мало. Важен и общественный запрос, который отсутствует.

— Не кажется ли Вам, что вхождение российских социологов Вашего и следующих поколений в европейское, мировое сообщество социологов может обернуться еще одним разрывом в процессе развития отечественной социологической науки. Не будем забывать, что однажды это было, я имею в виду "яму" 1930-х — 1950-х годов? Или ничего страшного не будет, даже если подобное произойдет?

— Не знаю. Это зависит не от социологов, а от гораздо бо-

лее широкого контекста. Пока что мы можем только стараться делать так, чтобы европейское, мировое и российское сообщества не были антагонистами (по крайней мере в общественных науках), а были единым целым с взаимным влиянием частей на целое и друг на друга.

— И последний вопрос: Аня, пусть кратко, пунктирно, но Вы представили траекторию вашего профессионального движения от лаборанта, работавшего на временной ставке, до именной профессуры в одном из лучших в стране университетов. Как в целом Вам видится пройденный профессиональный путь? Как некоторое непрерывное развитие с торможением и ускорением или как ломанная линия с разрывами, неожиданными поворотами?

— Это такой вопрос, на который невозможно ответить однозначно. С одной стороны — это жизненный (не только про-

фессиональный) путь с постоянным преодолением барьеров, бег с препятствиями, и в этом смысле непрерывный, но за одним препятствием пока следующего может быть и не видно. С другой, это политика малых дел — просто делать каждое дело с полной по-возможности отдачей, иногда из этого не получается ничего, а иногда получается следующее дело (ну а должно просто прикладываются, рано или поздно). Тогда это линия с разрывами. Или это постоянный (хотя и вполне и не всегда рационализированный) выбор из существующих возможностей, когда один сделанный выбор разворачивает следующий веер возможностей. Это и постоянное строительство и расширение сетей из людей, знаний, проектов, ресурсов. Вариант зависит от того, из какой перспективы на себя смотреть. А по субъективным ощущениям — это просто стратегия "не сдаваться" и по-возможности делать то, что любишь и считаешь правильным, хотя это бывает очень непросто.